

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Психологическая и социокультурная адаптация вынужденных мигрантов в Краснодарском крае: проблемы и ресурсы преодоления

В.Н. Галяпина ✉, Н.М. Лебедева, Е.В. Бушина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ vgalyapina@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Вынужденная миграция вследствие военных конфликтов ведет к проблемам психического здоровья, экзистенциальной неопределенности и высокой чувствительности к установкам принимающего общества. Особую значимость приобретает изучение адаптации вынужденных мигрантов в конкретных регионах, принимающих большое количество переселенцев. Краснодарский край, исторически поликультурный регион, стал домом для десятков тысяч людей из зон конфликта.

Цель. Изучить особенности психологической и социокультурной адаптации вынужденных мигрантов в Краснодарском крае.

Исследовательские вопросы. Каковы наиболее распространенные проблемы, возникающие у вынужденных мигрантов в ходе их адаптации к новой социокультурной среде? Какие основные стратегии и ресурсы используют вынужденные мигранты для преодоления трудностей в психологической и социокультурной адаптации?

Методы и материалы. Выборку составили 25 вынужденных мигрантов с территорий новых субъектов РФ и из Украины. Исследование выполнено в рамках качественного дизайна (использовался тематический анализ данных) методом полуструктурированного интервью.

Результаты. Потребность в преодолении пережитой травмы реализуется через включенность в помогающие практики и ориентацию на поддержку других людей, оказавшихся в сходной ситуации. Культурная и языковая близость мигрантов к принимающему обществу может усиливать переживание психологического отчуждения. Мигранты заново выстраивают символические и социальные границы, чтобы сохранить собственную идентичность в условиях, где внешнее сходство маскирует глубокие внутренние различия в жизненном опыте.

Выводы. Адаптация вынужденных мигрантов — противоречивый процесс, в котором посттравматический стресс сосуществует с активным поиском новых жизненных опор.

Галяпина В.Н., Лебедева Н.М., Бушина Е.В. (2026)
Психологическая и социокультурная адаптация
вынужденных мигрантов в Краснодарском крае...
Социальная психология и общество,
17(3), 13–32.

Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Bushina E.V. (2026)
Psychological and sociocultural adaptation of forced
migrants in the Krasnodar region...
Social Psychology and Society,
17(3), 13–32.

Ключевые слова: *вынужденные мигранты, психологическая адаптация, социокультурная адаптация, Краснодарский край*

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-052).

Дополнительные данные. Наборы данных могут быть предоставлены по запросу у корреспондирующего автора.

Для цитирования: Галяпина, В.Н., Лебедева, Н.М., Бушина, Е.В. (2026). Психологическая и социокультурная адаптация вынужденных мигрантов в Краснодарском крае: проблемы и ресурсы преодоления. *Социальная психология и общество*, 17(3), 13–32. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170302>

Psychological and sociocultural adaptation of forced migrants in the Krasnodar region: problems and resources for overcoming them

V.N. Galyapina ✉, N.M. Lebedeva, E.V. Bushina

National Research University 'Higher School of Economics', Moscow, Russian Federation

✉ vgalyapina@hse.ru

Abstract

Context and relevance. *Forced migration leads to mental health problems, existential uncertainty, and high sensitivity to the attitudes of the host society. A study of forced migrants' adaptation in specific regions with a large number of migrants is particularly important. The Krasnodar Krai, a historically multicultural region, has become home to tens of thousands of people from conflict zones.*

Objective. *To study the psychological and sociocultural adaptation of forced migrants in the Krasnodar Krai.*

Research Questions. *What are the most common problems forced migrants face during their adaptation to a new sociocultural environment? What are the main strategies and resources forced migrants use to overcome difficulties in psychological and sociocultural adaptation?*

Methods and Materials. *The sample consisted of 25 forced migrants from the territories of the new constituent entities of the Russian Federation and from Ukraine. The study was conducted using a qualitative design (thematic data analysis) and semi-structured interviews.*

Results. *The need to overcome trauma is realized through involvement in helping practices and a focus on supporting others in similar situations. The cultural and linguistic proximity of migrants to the host society can increase feelings of psychological alienation. Migrants rebuild symbolic and social boundaries to preserve their identity in a context where external similarities mask profound differences in lived experience.*

Conclusions. *The adaptation of forced migrants is a contradictory process where post-traumatic stress coexists with an active search for new sources of stability in life.*

Keywords: *forced migrants, psychological adaptation, sociocultural adaptation, the Krasnodar region*

Funding. The research leading to these results has received funding from the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-052).

Supplemental data. Datasets are available upon request from the corresponding author.

For citation: Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Bushina, E.V. (2026). Psychological and sociocultural adaptation of forced migrants in the Krasnodar region: problems and resources for overcoming them. *Social Psychology and Society*, 17(3), 13–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170302>

Введение

Проблема адаптации вынужденных мигрантов становится как никогда актуальной в современном мире. Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), в 2023–2024 годах число вынужденных мигрантов превысило 117–120 миллионов человек, что составляет около 1,5% всего человечества. Массовый приток травмированных людей с иным культурным бэкграундом способствует структурной трансформации социальных институтов принимающих стран. Неспособность общества обеспечить инклюзивность для мигрантов ведет к их маргинализации, росту ксенофобии, что, в свою очередь, способствует формированию взаимных негативных межкультурных установок местного населения и мигрантов, увеличению социальной напряженности. В этой связи встает проблема понимания современных рисков и ресурсов адаптации вынужденных мигрантов и особенностей этого процесса в разных регионах.

Адаптация вынужденных мигрантов представляет собой сложный, теоретически неоднозначный процесс (Витковская, 1993; Гриценко, Константинов, 2004; Galyapina, Molodikova, 2025; Berry, 2017; Birman, 1994). При его из-

учении исследователи опираются на фундаментальные подходы, объясняющие психологические и социокультурные последствия миграции, например, экоккультурный подход к аккультурации Дж. Берри (2019), интерактивная модель аккультурации (Bourhis et al., 1997), социокультурный подход (Лебедева и др., 2023). Наряду с этим применяются современные специфические концепции, отражающие смену парадигмы в психотерапевтической работе с данной категорией мигрантов. К ним относятся концепция постмиграционного стресса (Schneiderman, Ironson, Siegel, 2005), теория посттравматического роста (Tedeschi, Calhoun, 1996) и концепция поиска смысла В. Франкла (1990), которая не только предлагает пути обретения смысла через творчество и переживание, но и демонстрирует ресурсы, такие как выход за пределы собственного «Я» и посвящение себя другому человеку.

В фокусе данного исследования находится психологическая (психическое здоровье, депрессивные симптомы, общее благополучие) и социокультурная (социальная компетентность, способность эффективно взаимодействовать с принимающим обществом) адаптация вынужденных мигрантов (Berry, 2017) с территорий новых субъектов РФ и из

Украины, прибывших в Краснодарский край Российской Федерации после февраля 2022 года. Особенностью данной работы являются междисциплинарный синтез и комплексное изучение проблемы на основе современных парадигм антропологии, кросс-культурной психологии и психологии травмы с учетом конкретного социокультурного контекста. Использование качественной методологии позволяет глубоко проанализировать адаптацию вынужденных мигрантов, выделив как универсальные паттерны, так и специфические особенности данной группы.

Проблемы психологической и социокультурной адаптации вынужденных мигрантов

Вынужденная миграция, особенно в контексте военного конфликта, является тяжелым психотравмирующим событием. Многочисленные эмпирические данные (Fino, Mema, Russo, 2020; Abu Suhaiban, Grasser, Javanbakht, 2019; Paat, Green, 2017) подтверждают, что проблемы с психическим здоровьем остаются одними из самых актуальных. Беженцы массово испытывают стресс, тревогу, депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), соматизацию и зависимость. Война провоцирует острые стрессовые реакции, когнитивные нарушения и изменения личности (Bisson et al., 2015; Fino et al., 2020). По средним оценкам около трети мигрантов соответствуют диагностическим критериям ПТСР, депрессии и тревоги (Mesa-Vieira et al., 2022). Например, среди украинских беженцев в Чехии 51% испытывают симптомы депрессии, а 23% сообщают о высоком уровне тревожности (Spitsyna, 2025).

Стресс вынужденных мигрантов является «многослойным». Он формируется в процессе опасности военного конфликта, усиливается в ходе тяжелого бегства и по прибытии в новую территорию дополняется постмиграционным стрессом и стрессом аккультурации (Schneiderman, Ironson, Siegel, 2005). Даже находясь в безопасности, мигранты продолжают подвергаться травматизации через освещение военных действий в СМИ и общение с оставшимися дома родственниками (Rozanov et al., 2019).

Серьезной проблемой является кризис неопределенности, сопровождающийся разочарованием и растерянностью (Angel, Joël, 2023). Мигранты переживают острый внутриличностный конфликт: сознание цепляется за прошлую «успешную» жизнь, которая субъективно имеет большую значимость, чем объективные блага новой безопасной среды (Synhaivska, Chystiakova, 2025).

Эта неопределенность тесно связана с ощущением временного характера миграции. Мигранты часто не готовы принимать решение о постоянном проживании, ожидая возвращения домой. Возникает феномен «лиминальности» — нахождения «между мирами». Отсутствие понимания длительности проживания негативно влияет на аккультурационные установки (Yijälä, Jasinskaja-Lahti, 2010). Намерение вернуться приводит к тому, что мигранты не вкладывают ресурсы в освоение новой культуры, что негативно сказывается на их социокультурной адаптации (Karipek, 2017).

Вынужденные мигранты очень чувствительны к ожиданиям принимающего общества и социокультурному контексту в целом (Berry, 2017; Bourhis et al., 1997;

Kurt et al., 2024). Исследования показывают, что восприятие отторжения отрицательно влияет на национальную идентичность и аккультурационные установки (Badea et al., 2011). Ожидание гостеприимства и отсутствия дискриминации, восприятие контекста как доброжелательного, напротив, выступают важным психологическим ресурсом, и даже при наличии психологических затруднений могут приводить к успешной социокультурной адаптации (Yijälä, Jasinskaja-Lahti, 2010; Ward et al., 2001). Правовая защищенность и позитивный социальный климат признаются важными аспектами благополучия (Kurt et al., 2024; Nassar, 2025).

Значимым фактором является культурная близость принимающей страны. Исследование, проведенное в Финляндии во время Второй мировой войны (Tedeschi, Calhoun, 2004), показало, что мигранты лучше адаптируются в регионе со схожим языком и культурой, позволяющем сохранить ролевую самоидентификацию. Однако при отсутствии близких отношений с местными мигранты, как правило, возвращались в свои страны после окончания конфликта.

Кроме этого, вынужденные мигранты испытывают стресс аккультурации, связанный с разлукой с семьей, изоляцией, потерей социального статуса и межпоколенческими конфликтами (Redwood-Campbell et al., 2008; Yuzva, 2023). В отличие от добровольных мигрантов, им приходится не только ориентироваться в чужой культуре, но и справляться с утратой родины (Jain et al., 2022), сталкиваясь с дискриминацией и социальной изоляцией (Paat, 2016).

Особенностью вынужденных мигрантов является их финансовая и правовая

уязвимость. Потеря материальных ресурсов, жилья и средств к существованию требует колоссальных усилий для удовлетворения базовых потребностей (Schneiderman, Ironson, Siegel, 2005; Blynova et al., 2022). Языковые и институциональные барьеры приводят к высокому уровню безработицы (Cheng et al., 2020), а доступ к услугам, включая психиатрическую помощь, затруднен из-за социальных барьеров (Asgary, Segar, 2011). При этом вовлеченность в социальные сети и наличие возможности трудоустройства оказывают защитное действие на психологическую адаптацию (Nassar, 2025).

Личностные и социокультурные ресурсы, используемые вынужденными мигрантами для успешной адаптации

Несмотря на эмоциональное и мотивационное истощение, требующее «энергичного поиска надежной смысловой основы» (Франкл, 1990), вынужденные мигранты обладают мощным адаптационным потенциалом. Находясь в кризисе, они активно переоценивают прошлое, ища в нем аналогии и опоры для рациональных действий в настоящем. Чтобы компенсировать потерю статуса, мигранты используют механизмы автобиографической памяти, актуализируя позитивные воспоминания и прошлые достижения. Ностальгия и «связанность со своей культурой» служат инструментами устранения неопределенности, создавая чувство идентичности и стабильности (Galyapina, Molodikova, 2025; Sani et al., 2007). Однако этот ресурс работает не всегда, например, у лиц с высоким нейротизмом позитивные воспоминания

могут превращаться в механизм избегания реальности и сожаления об утраченном, что снижает стрессоустойчивость (Plokhikh et al., 2025). Тем не менее у большинства мигрантов обращение к позитивному прошлому и ориентация на будущее способствуют восстановлению баланса временных перспектив (Plokhikh et al., 2025).

В отличие от добровольных мигрантов, вынужденные переселенцы в большей степени стремятся сохранить свою культуру (Udahemuka, Pernice, 2010; Kim, 1988). Использование культурного наследия, поддержание отношений с соотечественниками и опора на социальную поддержку диаспоры являются ключевыми ресурсами для снижения миграционного стресса (Kim, 1988). Социальные сети и землячества выступают буфером против неопределенности будущего и угроз (Plokhikh et al., 2023). Эмпирические данные показывают, что наиболее эффективными являются активные копинг-стратегии, ориентированные на решение проблем. Исследование украинских беженцев в Польше доказало, что именно такие стратегии коррелируют с высокими показателями психического здоровья, тогда как пассивные стратегии (смирение, отвлечение) связаны с высоким уровнем расстройств (Długosz, 2023).

Несмотря на уязвимость, травма войны может запустить механизм посттравматического роста, проявляющийся в парадоксальных изменениях Я-концепции (Tedeschi, Calhoun, 1996). Выжившие в тяжелых испытаниях люди сохраняют чувство достоинства, самоуважения, становятся более толерантными и эмпатичными (Tedeschi, Calhoun, 2004).

Стремление сохранить это самоуважение мобилизует личностные ресурсы для выживания и поиска смысла.

Таким образом, анализ исследований адаптации вынужденных мигрантов в мире и украинских мигрантов в европейских странах показал, что наиболее значимыми проблемами являются нарушения психического здоровья, экзистенциальная неопределенность, чувствительность к ожиданиям принимающего общества и культурная близость, а также потеря социально-экономического статуса. Для преодоления этих трудностей мигранты используют ресурсы родной культуры, а также ностальгию по позитивному прошлому и поддержку диаспоры, которые служат главным психологическим якорем. Активный проблемно-ориентированный копинг является главным фактором сохранения психического здоровья, а мобилизация самоуважения и посттравматический рост позволяют противостоять стигматизации и выстраивать новую жизнь.

Однако данных о проблемах адаптации вынужденных мигрантов с территорий новых субъектов РФ и из Украины в России практически нет. Исходя из этого, мы поставили два исследовательских вопроса.

1. Каковы наиболее распространенные проблемы, возникающие у вынужденных мигрантов из Украины и с территорий новых субъектов РФ в ходе их адаптации к новой социокультурной среде?

2. Какие основные стратегии и ресурсы используют вынужденные мигранты для преодоления трудностей в психологической и социокультурной адаптации?

Учитывая, что успешная адаптация возможна только при создании инклю-

живного контекста и обеспечении базовой безопасности, мы проанализировали социокультурный контекст Краснодарского края.

Контекст исследования

Краснодарский край исторически является поликультурным регионом, где проживают представители свыше 124 народов (Агабекян, 2023). Край привлекателен как для внутренних мигрантов (внутрироссийские мигранты составляют 89,1%), так и для внешних (зарубежные мигранты составляют 10,9%), при этом значительная доля приходится на страны СНГ (Агабекян, 2023). Жители новых регионов чаще всего переезжают именно в Краснодарский край. К 2023 году край принял около 100 тысяч жителей из ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, им выдано более 19 тысяч паспортов Российской Федерации. Большое количество мигрантов связано с близостью территории, а также благоприятными климатическими и экономическими условиями.

Исторически сложившаяся поликультурность и длительный опыт приема мигрантов способствуют формированию в регионе достаточно благоприятных межкультурных отношений. Со стороны государственных учреждений, обще-

ственных организаций и частных лиц оказывается социальная поддержка и гуманитарная помощь (Агабекян, 2023). На официальных сайтах муниципальных образований публикуется информация для граждан, прибывших в Краснодарский край с территории Украины, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, касающаяся мер социальной поддержки, трудоустройства, помощи несовершеннолетним, о пунктах выдачи гуманитарной помощи и оказании срочной медицинской помощи (например, Администрация муниципального образования Тбилисского района представила памятку для получения материальной помощи, трудоустройства¹; Администрация и городская Дума Краснодара представили достаточно полную информацию для беженцев²). Однако комплексной региональной программы, направленной на оказание психологической помощи данной категории граждан на системном уровне, в крае нет.

Данные особенности региона могут оказывать эффект на адаптацию вынужденных мигрантов.

Материалы и методы

Методологический подход. Для исследования был использован качественный дизайн, поскольку он идеально подходит

¹ Памятка для граждан, вынужденно покинувших территорию Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывшим на территорию... Официальный сайт Администрации Муниципального образования Тбилисского района. URL: https://www.adm-tbilisskaya.ru/about/info/messages/39137/?sphrase_id=5956852 (дата обращения: 10.08.2024)

² Информация для граждан, прибывших в Краснодар с территории Украины, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Официальный сайт Администрации и городской Думы Краснодара. URL: <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/upravlenie-po-sotsialnym-voprosam/pomoshch-bezhentsam/> (дата обращения: 10.08.2024)

для изучения динамичной и контекстуальной природы процессов адаптации вынужденных мигрантов. Полуструктурированные интервью предоставили участникам гибкость в выражении своего опыта. Качественный дизайн наиболее релевантен при исследовании малоизученных культурных групп, так как открытый подход позволяет собрать подробную информацию для построения моделей и выдвижения гипотез (van de Vijver et al., 2010).

Выборка. В исследовании приняли участие 25 вынужденных мигрантов из новых территорий РФ и Украины (Донецк и Донецкая область — 11, Луганск — 6, Мариуполь — 4, Харьковская область — 4), проживающих в Краснодаре и прилегающих селах. Опрос проводился в 2023–2024 годах. Возраст участников варьировался от 20 до 65 лет, средний возраст составил 31,3 года; продолжительность пребывания в России — от 2 до 13 месяцев. Двадцать из 25 участников были женщинами, 18 состояли в браке, 17 имели детей. Все участники поддерживали связь с родственниками на территориях исхода. 8 респондентов указали, что являются украинцами, 6 — потомками русско-украинских семей, остальные принадлежали к русскому этносу. Все участники хорошо владели русским языком, а большинство имели средний социально-экономический статус на прежнем месте проживания (наличие собственного дома или квартиры, собственного дела, машины и пр.). Что касается занятости, 4 человека — студентки, 4 — пенсионерки, 3 находятся в декретном отпуске, 3 — не трудоустроены (домохозяйки), большинство трудоустроенных (8 из 11) работают неофициально или не по специальности.

Процедура сбора данных. Участники были набраны с использованием метода целенаправленной выборки и «снежного кома». Исследователи обратились к специалистам, работающим с мигрантами, что помогло выйти на сообщества через чаты и личные контакты. Интервью проводились в удобных для участников местах, длились от 40 минут до 1,5 часов на русском языке. Было получено устное и письменное информированное согласие, имена изменены на псевдонимы. Участники получали вознаграждение. Интервью проводились до достижения насыщения данными (Urquhart, 2013).

Инструментарий. Вопросы для интервью разработаны с опорой на теоретические подходы, представленные в предыдущей части. Ключевыми темами были: восприятие жизни до миграции, процесс переезда, трудности на новом месте, социальные идентичности, восприятие принимающего общества, ресурсы для преодоления трудностей и миграционные намерения.

Анализ данных. Анализ проводился с использованием тематического шаблонного анализа (King, Brooks, Tabari, 2018). Аудиозаписи были транскрибированы, затем исследователи независимо провели осевое кодирование. После обсуждения была дополнена схема кодирования для понимания иерархии категорий. Для обеспечения надежности использовалась триангуляция (участвовали три исследователя), надежность проверялась альфой Кrippендорфа ($\alpha \geq 0,80$) (Krippendorff, 2013).

В исследовании использовалась генеративная модель искусственного интеллекта (агент Codex 5.3-medium) только для транскрибирования и первичной обработки массивов интервью. Для

минимизации риска «галлюцинаций» была разработана система ограничений с расширением (SKILL), запрещающим интерпретации без прямой привязки к текстовым доказательствам. Результаты работы ИИ прошли ручную валидацию с сопоставлением цитат с исходными файлами интервью.

Результаты

В ходе анализа были выделены пять тем: психологические проблемы, социально-психологические проблемы, социально-экономические и правовые проблемы, культурно-психологические проблемы; социальный капитал и гражданская взаимопомощь. Каждая тема включала категории и субкатегории (полное описание данных с примерами кодов представлено в Приложении А). Рассмотрим подробно каждую тему.

Психологические проблемы

Исследование позволило глубоко рассмотреть переживания вынужденных мигрантов. Были выделены две основные категории: «последствия войны», включающая психологический стресс, травму и дефицит психологической помощи, и «чувства по отношению к себе», включающая потерю идентичности, «статус чужака» и «жизнь с нуля».

Практически все респонденты указывали на пережитый военный опыт и вынужденный отрыв от дома, что приводит к тяжелым психологическим последствиям — нервному напряжению, бессоннице, паническим атакам. Любые сильные звуки, такие как фейерверки или работа техники на стройке, вызывают панические реакции как у детей, так и у взрослых.

«Салюты... и бабушка падает на землю, дети плачут» (Наталья, 42 года).

«Ребенок вскакивает: “Мама, это точно не война?”» (Светлана, 40 лет).

Многие отмечали потребность в психологической помощи, однако у них нет информации о доступных бесплатных центрах.

«Конкретно центров я не встречала... только частные объявления» (Виктория, 29 лет).

Важным результатом является выявленная проблема самовосприятия. Мигранты отмечали, что потеряли свою идентичность, говорили об ощущении «бомжевания» и резком социальном падении. Многие потеряли не только имущество, но и профессию, что заставляло их начинать «жизнь с нуля». На новом месте они чувствуют себя «чужаками» и испытывают ощущение ненужности обществу.

«Объяснить нечего, как бомж какой-то, даже прописки нет» (Евгений, 35 лет).

«...все рухнуло... теперь все с нуля нужно...» (Наташа, 40 лет).

Можно сказать, что «боевой опыт» под воздействием триггеров проявляется в панических атаках, депрессии и тревожности, а отсутствие системной бесплатной психологической помощи формирует хронический стресс, практически не компенсируемый.

Социально-психологические проблемы

В данной теме были выделены следующие категории: закрытость мигрантского сообщества, включающая ограниченные контакты преимущественно со «своими»; восприятие мигрантов местным сообществом, отражающее готовность местных принимать, но не всегда и не всех; и ностальгия, раскрывающаяся

через ожидание временного пребывания и желание вернуться.

Мигранты часто обращались к воспоминаниям, сравнивая жизнь «здесь» и «там». Важно отметить, что желание вернуться касалось не современной ситуации, а возврата в январь 2022 года. Родственники, оставшиеся дома, вызывают двояственные чувства: с одной стороны, тепло и позитивные воспоминания, с другой — ощущение беспомощности.

«Очень скучаю... хочу на свой диван и кота, но главное — безопасность детей» (Светлана, 40 лет).

Респонденты в основном упоминали сообщества соотечественников, существующие как офлайн, так и в мессенджерах, и не стремились заводить новых знакомств, считая, что их могут понять только «свои».

«Кто там не был, нас не поймет...» (Юля, 35 лет).

Сами местные, как отмечали респонденты, по-разному к ним относятся. В глазах местного населения они выглядят неоднозначно. С одной стороны, обычные люди готовы помогать, поддерживать, а с другой — относятся с завистью, а иногда и агрессивно, воспринимая мигрантов как угрозу.

«...я тогда приехала вообще без документов... все нормально было. Коллектив принял... шутки любые воспринимались нормально» (Валерия, 28 лет).

«С Донбасса денег у них немерено... приехали, еще получают помощь» (Виталий, 30 лет).

Мигранты лавируют между тоской по дому и осознанием невозможности безопасного возвращения, и это нахождение «между мирами» не позволяет мигрантам полноценно интегрироваться, они

ориентируются на взаимодействие с соотечественниками, ожидая при этом доброжелательности от местных.

Социально-экономические и правовые проблемы

Наиболее часто поднималась проблема бюрократии и оформления документов. Респонденты отмечали сложность процедур, необходимость платных переводов документов и постоянно меняющиеся требования. Информация на официальных сайтах часто устаревшая или замалчивается, что создает информационные барьеры.

«За один перевод — 600 рублей + 100 рублей нотариусу» (Наташа, 40 лет).

«Невозможно получить паспорт — МФЦ ничего не знает» (Елена, 44 года).

Проблема оформления документов влечет за собой трудности с трудоустройством. Без необходимых бумаг мигранты вынуждены устраиваться нелегально, получать небольшую зарплату и работать на тяжелых работах, не имея возможности трудоустроиться по специальности.

«Я устроилась... получаю 1100 за смену. Я работаю 12 часов, это все на ногах. ... только два раза в неделю выходной...» (Ольга, 30 лет).

Из этого вытекает проблема финансовых сложностей, усугубляемая высокой стоимостью аренды жилья и невозможностью получить положенные пособия.

«...начали искать новое жилье... проблемы с детьми — категорически не хотят брать...» (Наташа, 40 лет).

По мнению респондентов, доступ к бесплатным медицинским услугам крайне ограничен. Практически невозможно получить помощь в поликлинике, пациентов

переадресуют к платным специалистам, а квоты на операции получить практически невозможно. Даже экстренная медицинская помощь часто оказывается платной, что заставляет многих мигрантов «запускать» свои соматические заболевания.

«Полис есть, но в поликлинике советуют идти к платному специалисту» (Юля, 35 лет).

«Нogu сломал — никто бесплатно не оказал помощь» (Даша, 32 года).

Еще одной социальной проблемой является образование. Многие респонденты отмечали, что «дома» образование велось дистанционно, а иногда дети вообще не могли ходить в школу из-за опасности. Обучение во многих регионах велось на украинском языке, поэтому дети по образовательному уровню отстают, и при поступлении в новую школу их определяют на класс ниже. Этот феномен мигранты называли «провалом класса».

«COVID + война — 5 класс не освоен, нас взяли в 4-й» (Светлана, 40 лет).

«...если ребенок дома на русском не разговаривает... то ему в школе непонятно... Сейчас русского (в школах) вообще нет» (Валерия, 28 лет).

Кроме того, дети подвергаются дискриминации и школьному буллингу.

«В школе русского не было — ошибки, намешки» (Юля, 20 лет).

Формальные условия приема — получение регистрации, статуса, жилья, работы — создают серьезные препятствия для вынужденных мигрантов. Потеря школьных лет, языковой сдвиг, платная медицина формируют хронический стресс, а бюрократические барьеры и отсутствие ресурсов осложняют психологическую и социокультурную адаптацию в Краснодарском крае.

Культурно-психологические проблемы

Здесь были выделены две категории: культурные различия, включающие языковые барьеры, «необычный менталитет» и адаптацию к нормам общения; и выстраивание границ.

Несмотря на то, что все респонденты хорошо говорят на русском языке, практически все, кому было более 25 лет, отмечали, что чувствуют языковой барьер. В разговоре они испытывают сложности и напряжение, стараются говорить без своих диалектных слов, чувствуют дискомфорт из-за акцента.

«...мне сложно вато. Мы же даже здесь находимся — например, шо там, гээ... сама комплексую... Пытаемся перестроиться...» (Елена, 42 года).

«А дома уже заходишь такой: ну шо? Можно расслабиться» (Наталья, 40 лет).

По мнению респондентов, менталитет местного населения отличается, что вызывает взаимное непонимание. Мигранты отмечают иной образ мыслей — от бытовых ожиданий до необходимости «связей» для успеха.

«Здесь... менталитет чуть-чуть другой... Они думают, массаж должен быть жесткий... я так не думаю..., они что-то так не понимают...» (Ольга, 41 год).

Взаимодействие с местными требует культурной адаптации, и мигранты сдерживают свои привычки, чтобы не выделяться, чувствуя себя свободно лишь в кругу «своих».

Важной находкой исследования стало то, что мигранты, очень близкие по культуре и языку к местному населению Краснодарского края, выстраивали с ним границы, стремясь отделить себя от мест-

ных. Это проявлялось в самовосприятии себя как «чужака», в создании закрытых сообществ и в восприятии языка как значимого барьера. Возможно, такое искусственное выстраивание границ является механизмом самозащиты и сохранения самоуважения, что подтверждается постоянным обращением мигрантов к прошлому успешному опыту жизни на родине.

**Социальный капитал
и гражданская взаимопомощь как
ресурс преодоления проблем**

Вакуум институциональной поддержки частично заполняют волонтеры и сетевые сообщества (склады, Telegram-чаты), создавая материальную и эмоциональную «подушку». Именно социальные связи и поддержка оказываются ключевыми ресурсами. В восприятии респондентов простые жители Краснодарского края готовы оказывать помощь, выступать волонтерами, создавать склады и фонды, предоставлять одежду, еду, медикаменты. Такая поддержка дает ощущение тепла и заботы.

«Люди несут мешками вещи... мы администрируем склад, аренду платит волонтер» (Елена, 42 года).

«...бывают и лекарства... волонтеры привозят ... все бесплатно» (Надежда, 68 лет).

Опыт взаимодействия с местным населением, как правило, положительный: многие мигранты встречают сочувствие и готовность оказывать помощь, что облегчает им преодоление трудностей.

«На моем пути очень много хороших людей» (Светлана, 40 лет).

В качестве стратегии совладания с проблемами мигранты организуют сообщества «своих» и оказывают взаимопомощь

как материальную, так и моральную. Они создают чаты для общения, обмена опытом и поддержания дружеских отношений, опираясь друг на друга и формируя свой «социальный капитал». Еще одной стратегией выступает самопомощь, включающая как пассивные способы (принятие ситуации, поиск цели в жизни, жизнь ради детей), так и активные (волонтерство).

«Собирали пакеты мамам из станции, высылали автобусами» (Ярослава, 25 лет).

«В Телеграм-группе 1000+ человек; едем выручать склад после потоп» (Юля, 28 лет).

Мигранты вырабатывают собственные механизмы психологической адаптации, стараются избегать уныния ради близких и фокусироваться на позитивных моментах. Работа, волонтерство, учеба как способ не «зависнуть» в депрессии выступают значимыми ресурсами.

«Выбрала помогать людям, чтобы совесть была чиста» (Светлана, 42 года).

Переживая последствия травматических событий, тревогу за близких, ностальгию по дому и стресс от неопределенности, вынужденные мигранты находят в себе силы адаптироваться. Ценой больших усилий они строят новую жизнь, поддерживая друг друга и сохраняя надежду. Для многих ориентиром остается мечта о возвращении домой, но пока это невозможно, именно совокупность поддержки соотечественников, социальное участие местного сообщества и активные стратегии совладания, направленность за пределы своего Я и посвящение себя помощи другим людям позволяют мигрантам постепенно обретать почву под ногами на новом месте.

Обсуждение результатов

Полученные эмпирические данные позволяют раскрыть феномен адаптации вынужденных мигрантов из Украины и с территорий новых субъектов РФ. Отвечая на первый исследовательский вопрос, мы выделили основные проблемы, с которыми они сталкиваются в ходе психологической и социокультурной адаптации в Краснодарском крае, сгруппировав их в 4 блока.

Первый блок включает психологические проблемы и посттравматический стресс. Респонденты демонстрируют выраженные симптомы непроработанной военной травмы (панические атаки, бессонница, депрессия) на фоне острого кризиса самовосприятия. Потеря статуса, имущества и профессии приводит к чувству «бомжевания» и ощущению себя «чужаком». Эти результаты соответствуют концепции постмиграционного стресса (Schneiderman, Ironson, Siegel, 2005) и подтверждают, что стресс мигрантов не ограничивается предмиграционной травмой, а многократно усиливается факторами постмиграционного периода. В рамках экоккультурного подхода Дж. Берри (2019) это объясняется разрывом привычной экоккультурной среды: утрата физического «дома» лишает мигрантов базовых культурных «якорей». Наши данные согласуются с результатами, полученными среди сирийских беженцев в Турции (Şafak-Ayvazoglu, Kunuroğlu, Yağmur, 2021).

Второй блок проблем — это социально-экономические и правовые барьеры. Бюрократические препятствия, невозможность легального трудоустройства по специальности, недоступность бесплатной медицины и проблемы с устройством детей в школы формируют фон

хронического стресса. Наши данные подтверждаются ранее проведенными исследованиями (Kurt et al., 2024; Nassar, 2025), в которых выявлена роль экономических и социальных факторов принимающего общества. Опираясь на интерактивную модель аккультурации (Bourhis et al., 1997), можно предположить, что сложные бюрократические процедуры формируют у мигрантов восприятие принимающей среды как «враждебной» или «индифферентной», что приводит к проблемным профилям аккультурации.

Третий и четвертый блоки — социокультурные и культурно-психологические проблемы. Несмотря на языковую близость, мигранты испытывают сильный языковой дискомфорт, сталкиваются с дискриминацией и стигматизацией со стороны местных. В ответ они выстраивают жесткие психологические границы, замыкаясь в кругу «своих». Согласно теоретическим подходам к взаимной аккультурации (Berry, 2019; Bourhis et al., 1997; Лебедева и др., 2023), ключевую роль играет восприятие мигрантами установок принимающего большинства. Столкновение с негативными стереотипами и дискриминацией воспринимается мигрантами как угроза идентичности, вынуждает мигрантов выбирать стратегию «сепарации» как защитный механизм для сохранения самоуважения. Похожие результаты были получены в других исследованиях (Yijälä, Jasinskaja-Lahti, 2010; Ward, 2001).

Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы выявили, что, несмотря на колоссальные трудности, респонденты демонстрируют высокую адаптационную способность, опираясь на социокультурные и личностные ресурсы. Мигран-

ты активно создают закрытые сообщества, где обмениваются информацией и оказывают эмоциональную поддержку. Волонтерские инициативы как со стороны самих мигрантов, так и со стороны местного населения становятся «подушкой безопасности». Этот паттерн соотносится с концепцией поиска смысла В. Франкла (1990), поскольку мигранты преодолевают экзистенциальный вакуум через способность выходить за пределы собственного «Я». Посвящение себя помощи другим выступает не просто копинг-стратегией, но и способом легитимизации собственного существования, возвращения себе субъектности через служение делу и другому человеку.

Кроме того, у большинства мигрантов происходит активное совладание и переосмысление травмы. Респонденты используют стратегии когнитивной переоценки и трансформируют травматический опыт в просоциальное поведение. Эти результаты находятся в русле теории посттравматического роста (Tedeschi, Calhoun, 1996). Можно сказать, что мигранты находят в себе новые ресурсы: эмпатию, переоценку приоритетов и осознание личной силы, что соответствует франклианскому механизму нахождения смысла через переживание и созидание.

Заключение

В целом данное исследование показало, что у вынужденных мигрантов с территорий новых субъектов РФ и из Украины, как и у мигрантов в других регионах, наблюдается доминирование постмиграционного стресса над предмиграционной травмой. Повседневные стрессоры (бюрократия, поиск жилья, проблемы с медициной) часто оказываются более ис-

тощающими, чем воспоминания о самих боевых действиях. Триггерная реакция на мирные стимулы носит универсальный характер неспецифического ПТСР у лиц, переживших зону боевых действий.

Универсальной была опора на «связующий» социальный капитал (Bonding social capital), которая проявлялась в замыкании в диаспоральных или этнических чатах, предпочтении общения «только со своими». В целом это являлось универсальным механизмом снижения тревоги и выживания в чужой среде. В качестве универсального результата можно выделить кризис профессиональной и статусной идентичности, проявляющийся в феномене «социального падения» и являющийся базовым фактором депрессивных переживаний для вынужденных мигрантов по всему миру.

Полученные результаты позволили понять специфические особенности адаптации вынужденных мигрантов с территорий новых субъектов РФ и из Украины в Краснодарском крае. Для данной категории характерен парадокс «призрачного» языкового и культурного барьера. В отличие от мигрантов, переезжающих в страну с иным языком и культурой, данные респонденты говорят на русском, однако испытывают острейший лингвистический стыд и дискомфорт из-за диалектизмов и необходимости гиперконтроля своей речи. Это порождает уникальное чувство «внутренней чужеродности» при внешней культурной близости.

Следующей особенностью стала ностальгия по «потерянному миру», а не по территории и дому. Респонденты хотят вернуться не в современную географическую точку, которая может быть разрушена, а в прошлое время — в январь

2022 года. Это специфическая «ностальгия по миру до травмы», которая блокирует принятие настоящего.

Также мы установили, что мигранты ощущают «двойное послание» от местных. Они сталкиваются с когнитивным диссонансом: с одной стороны, по их мнению, местные проявляют эмпатию и оказывают помощь, с другой — транслируют стереотипы и предубеждения о «богатых беженцах». Это формирует у мигрантов защитную настороженную реакцию и необходимость постоянно доказывать свою «бедность» и «правильность».

У детей вынужденных мигрантов выявлен «образовательный провал». Уникальной проблемой стало сочетание последствий дистанционного обучения в зоне войны и последующей языковой и программной адаптации в новой школе. Дети выпадают из образовательной траектории на 1–2 класса, что создает дополнительное напряжение для родителей-мигрантов.

К особенностям также можно отнести бюрократическую ловушку легализации. Специфическим стрессором является необходимость платного перевода каждого документа и сложность подтверждения украинского образования и стажа, что создает ситуацию «юридического подвешивания», не характерную для мигрантов, переезжающих в страны с отлаженными автоматическими процедурами признания статусов.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что психологическая и социокультурная адаптация вынужденных мигрантов из Украины и с территорий новых субъектов РФ представляет собой сложный процесс балансирования между разрушительным постмиграцион-

ным стрессом и активным поиском смысла. Если институциональные барьеры и воспринимаемая стигматизация толкают мигрантов к сепарации и выстраиванию защитных границ, то экзистенциальная потребность в преодолении травмы находит выход в посттравматическом росте и франклианском «посвящении себя другому». Уникальность данной группы заключается в парадоксе культурно-языковой близости к принимающему обществу, которая, однако, не отменяет, а порой даже обостряет чувство психологического отчуждения и необходимости искусственного выстраивания границ.

Данное исследование имеет большую практическую значимость. Выделенные особенности могут быть использованы на региональном уровне для разработки адресных программ поддержки, на уровне локальных сообществ — для создания площадок взаимодействия и снижения стигматизации, на групповом уровне — для разработки тренингов межкультурного взаимодействия, а на индивидуальном уровне — психологами для консультаций мигрантов и работы с детьми в образовательных учреждениях.

Направления будущих исследований. Изучение особенностей разных групп вынужденных мигрантов (детей, переселенцев из разных территорий и пр.), а также изучение роли социально-психологических факторов их адаптации, таких как социальные идентичности, межкультурные установки, культурная дистанция, воспринимаемая проницаемость этнокультурных границ, образ России, миграционные намерения, временная перспектива, могут стать направлением дальнейших исследований.

Ограничения. К ограничениям данного исследования можно отнести особенности выборки, поскольку данные в основном собирались в г. Краснодаре и близлежащих населенных пунктах. Другие районы Краснодарского края, имеющие вынужденных мигрантов, например, Черноморское побережье, остались неохваченными. Возможно, адаптация мигрантов в этих районах имеет свои особенности. Также в исследовании приняли участие только взрослые мигранты. Мигрантский опыт детей сопряжен

с другими проблемами и может иметь специфику.

Limitations. The sample selection may be a limitation of this study, as data was primarily collected in Krasnodar and surrounding communities. Other areas of the Krasnodar Krai with a large population of forced migrants, such as the Black Sea coast, were not covered. Perhaps migrants' adaptation in these areas has its own unique characteristics. Furthermore, only adult migrants participated in the study. It is possible that children's migration experiences present different challenges.

Список источников / References

1. Агабекян, Р.Л. (2023). Исследование особенностей миграционных процессов в Краснодарском крае в современных условиях. *Вестник Академии знаний*, 54(1), 17–21.
Agabekian, R.L. (2023). The study of the features of migration processes in the Krasnodar region in modern conditions. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 54(1), 17–21. (In Russ.).
2. Берри, Дж.У. (2019). Экокультурная психология. *Культурно-историческая психология*, 15(4), 4–16. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150401>
Berry, J.W. (2019). Ecocultural Psychology. *Cultural-historical psychology*, 15(4), 4–16. (In Russ., abstr. in Engl.). <https://doi.org/10.17759/chp.20191504011>
3. Витковская, Г.С. (1993). *Вынужденная миграция: проблемы и перспективы*. Вып. 3. М.: ИНП.
Vitkovskaya, G.S. (1993). *Forced migration: problems and prospects*. Issue 3. Moscow: INP. (In Russ.).
4. Гриценко, В.В., Константинов, В.В. (2004). *Тренинг оптимизации процесса социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов*. Учеб.-метод. пособие Балаш. фил. Сарат. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Балашов: Б.И.
Gritsenko, V.V., Konstantinov, V.V. (2004). *Training to optimize the process of socio-psychological adaptation of forced migrants*. Teaching aid. Balashov branch. Saratov state University named after N.G. Chernyshevsky. Balashov: B.I. (In Russ.).
5. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н., Галыпина, В.Н., Лепшокова, З.Х., Бульцева, М.А., Бушина, Е.В. (2023). Социокультурный подход в современной российской психологии. В: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская (Ред.). *Научные подходы в современной отечественной психологии* (с. 561–581). М.: Изд-во «ИП РАН».
Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N., Galyapina, V.N., Lepshokova, Z.Kh., Bultseva, M.A., Bushina, E.V. (2023). Sociocultural approach in modern Russian psychology. In: A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya (Eds.). *Scientific approaches in modern Russian psychology* (p. 561–581). Moscow: Publishing house «IP RAS». (In Russ.).
6. Франкл, В.Е. (1990). *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
Frankl, V.E. (1990). *Man's Search for Meaning*. Moscow: Progress. (In Russ.).

7. Abu Suhaiban, H., Grasser, L.R., Javanbakht, A. (2019). Mental health of refugees and torture survivors: A critical review of prevalence, predictors, and integrated care. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(13), 2309. <https://doi.org/10.3390/ijerph16132309>
8. Angel, N., Joël, H. (2023). Intolerance of uncertainty, posttraumatic stress, depression, and fear for the future among forcibly displaced persons. *Journal of Anxiety Disorders*, 94, 15–25. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2023.102672>
9. Asgary, R., Segar, N. (2011). Barriers to health care access among refugee asylum seekers. *Journal of Health Care for the Poor and Underserved*, 22(2), 506–522. <https://doi.org/10.1353/hpu.2011.0047>
10. Badea, C., Jetten, J., Iyer, A., Er-Rafiy, A. (2011). Negotiating dual identities: The impact of group-based rejection on identification and acculturation. *European Journal of Social Psychology*, 41(5), 586–595. <https://doi.org/10.1002/ejsp.786>
11. Berry, J.W. ed. (2017). *Mutual Intercultural Relations*. Cambridge University Press, Cambridge.
12. Birman, D., Tyler, F.B. (1994). Acculturation and alienation of Soviet Jewish refugees in the United States. *Genetic, social, and general psychology monographs*, 120(1), 101–115.
13. Bisson, J.I., Cosgrove, S., Lewis, C., Robert, N.P. (2015). Post-traumatic stress disorder. *BMJ*, 351, 6161. <https://doi.org/10.1136/bmj.h6161>
14. Blynova, O., Derevianko, S., Ivanova, O., Popovych, I., Estay Sepulveda, J.G. (2022). Professional relevance of potential labor emigrants. *Revista Notas Historicas y Geograficas*, 29, 88–106. https://www.researchgate.net/publication/359760595_Professional_relevance_of_potential_labor_emigrants
15. Bourhis, R., Moise, L., Perreault, S., Senecal, S. (1997). Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 32(6), 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>
16. Cheng, L., Im, G.-H., Doe, C., Douglas, S.R. (2020). Identifying English language use and communication challenges facing “entry-level” workplace immigrants in Canada. *Journal of International Migration and Integration*. <https://doi.org/10.1007/s12134-020-00779-w>
17. Długosz, P. (2023). War trauma and strategies for coping with stress among Ukrainian refugees staying in Poland. *Journal of Migration and Health*. <https://doi.org/10.1016/j.jmh.2023.100196>
18. Fino, E., Mema, D., Russo, P.M. (2020). War trauma exposed refugees and posttraumatic stress disorder: the moderating role of trait resilience. *Journal Psychosom. Res.*, 129, <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2019.109905>
19. Galyapina, V.N., Molodikova, I.N. (2025). The adaptation of forced migrants from South Ossetia in Russia: the role of the conservation of ethno-cultural norms, ethnic, regional, and national identities. *SN Social Sciences*, 5(4). <https://doi.org/10.1007/s43545-025-01086-w>
20. Jain, N., Prasad, S., Cz’arth, Z.C., Chodnekar, S.Y., Mohan, S., Savchenko, E., Reinis, A. (2022). War psychiatry: identifying and managing the neuropsychiatric consequences of armed conflicts. *J. Prim. Care Community Health*, 13. <https://doi.org/10.1177/21501319221106>
21. Karipek, Y.Z. (2017). Asylum-seekers experience and acculturation: A study of Syrian university students in Turkey. *Turkish Journal of Middle Eastern Studies*, 105–133. <https://doi.org/10.26513/tocd.316150>
22. Kim, Y.Y. (1988). *Communication and Cross-Cultural adaptation: an integrative theory*. Clevedon. Multilingual Matters Ltd., Philadelphia
23. King, N., Brooks, J.M., Tabari, S. (2018), Template analysis in business and management research. In M. Ciesielecka, D. Jemielniak (eds.), *Qualitative Methodologies in Organization Studies: Vol. II: Methods and Possibilities* (pp. 179–206). London: Palgrave.

24. Krippendorff, K. (2013). *Content analysis: An introduction to its methodology*, 3rd edition. Thousand Oaks, CA: Sage.
25. Kurt, G., Ekhtiari, M. et al. (2024). Network analytical investigation of relationships between symptoms of common mental disorders among refugees and asylum seekers in Türkiye. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 33, e59, 1–9. <https://doi.org/10.1017/S2045796024000696>
26. Mesa-Vieira et al. (2022). Mental health of migrants with pre-migration exposure to armed conflict: a systematic review and meta-analysis. *Lancet Public Health* [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(22\)00061-5](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(22)00061-5)
27. Nassar, A. (2025). Identifying Central Aspects of Well-Being Among Individuals in Situations of Forced Migration in Finland. *Social Sciences*, 14, 515. <https://doi.org/10.3390/socsci14090515>
28. Paat, Y.-F., Green, R. (2017). Mental health of immigrants and refugees seeking legal services on the US-Mexico border. *Transcultural Psychiatry*, 54(5–6), 783–805. <https://doi.org/10.1177/1363461517746316journals.sagepub.com/home/tps>
29. Paat, Y.-F. (2016). Strain, psychological conflicts, aspirations-attainment gap, and depressive tendencies among youth of Mexican immigrants. *Social Work in Public Health*, 31(1), 19–29. <https://doi.org/10.1080/19371918.2015.1087910>
30. Plokhikh, V., Popovych, I., Shevchenko, N., Losiyevska, O., Kolly-Shamne, A., Akimov, R. (2025). Time perspective of forced migrants within the national boundaries and abroad. *Journal of Education Culture and Society*, 1, 126–142. <https://doi.org/10.15503/jecs2025.2.125.142>
31. Redwood-Campbell, L., Thind, H., Howard, M., Koteles, J., Fowler, N., Kaczorowski, J. (2008). Understanding the health of refugee women in host countries: lessons from the Kosovar resettlement in Canada. *Prehosp. Disaster Med.*, 23(4), 322–327. <https://doi.org/10.1017/s1049023x00005951>
32. Rozanov, V. et al. (2019). Mental health consequences of war conflicts. In: Javed, A., Fountoulakis, K. (Eds.), *Advances in Psychiatry*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-70554-5_17
33. Sani, F., Bowe, M., Herrera, M., Manna, C., Cossa, T., Miao, X., Zhou, Y. (2007). Perceived collective continuity: seeing groups as entities that move through time. *European Journal of Social Psychology*, 37, 1118–1134. <https://doi.org/10.1002/ejsp.430>
34. Schneiderman, N., Ironson, G., Siegel, S.D. (2005). Stress and Health: Psychological, Behavioral, and Biological Determinants. *Annual Review of Clinical Psychology*, 1(1), 607–628. <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.1.102803.144141>
35. Spitsyna, L. (2025). Conceptualizing the research subject with SORKC: Exploring the Mental Health and Well-Being of Forced Migrants from Ukraine. *Journal of Educational, Health and Community Psychology*, 14(2).
36. Synhaivska, I., Chystiakova, M. (2025). International practice of integrating war-forced migrants. *Вчені записки Університету «КРОК»*, 1(77). <https://doi.org/10.31732/2663-2209-2025-77-473-480>
37. Tedeschi, R., Calhoun, L. (2004). Posttraumatic Growth. A New Perspective on Psychotraumatology. *Psychiatric Times*, 21, 34–43.
38. Tedeschi, R.G., Calhoun, L.G. (1996). *The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma*.
39. Udahehuka, M., Pernice, R. (2010). Does Motivation to Migrate Matter? Voluntary and Forced African Migrants and Their Acculturation Preferences in New Zealand. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 4(1). <https://doi.org/10.1375/prp.4.1.44>
40. Urquhart, C. (2013). *Grounded theory for qualitative research: A practical guide*. Thousand Oaks: Sage

41. van de Vijver, F., Chasiotis, A. et al. (2010). Making methods meet: Mixed designs in cross-cultural research. In J.A. Harkness, M. Braun, B. Edwards, T.P. Johnson, L. Lyberg, P.P. Mohler (Eds.), *Survey methods in multinational, multiregional, and multicultural contexts* (pp. 455–473). Hoboken, NJ: Wiley.
42. Ward, C., Bochner, S., Furnham, A. (2001). *The psychology of culture shock* (2nd ed.). New York, NY: Routledge.
43. Yijälä, A., Jasinskaja-Lahti, I. (2010). Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland. *International Journal of Intercultural Relations*, 34(4), 326–339. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.09.002>
44. Yuzva, L. (2023). Separated families in Ukraine during the war. Available online: <https://interlab-wojna-ukraina.up.krakow.pl/2022/12/28/separated-families-in-ukraine-during-the-war/> (accessed 15.01.2023).

Приложение / Appendix

Приложение А. Результаты тематического анализа. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170302>

Appendix A. Results of a thematic analysis. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170302>

Информация об авторах

Виктория Николаевна Галыпина, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Надежда Михайловна Лебедева, доктор психологических наук, профессор департамента психологии, научный руководитель, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

Екатерина Валерьевна Бушина, кандидат психологических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: ebushina@hse.ru

Information about the authors

Victoria N. Galyapina, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Psychology, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4122-6455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Psychology, Scientific Director, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

Галяпина В.Н., Лебедева Н.М., Бушина Е.В. (2026)
Психологическая и социокультурная адаптация
вынужденных мигрантов в Краснодарском крае...
Социальная психология и общество,
17(3), 13–32.

Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Bushina E.V. (2026)
Psychological and sociocultural adaptation of forced
migrants in the Krasnodar region...
Social Psychology and Society,
17(3), 13–32.

Ekaterina V. Bushina, Candidate of Science (Psychology), Deputy Director, Leading Researcher, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: ebushina@hse.ru

Вклад авторов

Галяпина В.Н. — идеи исследования, планирование исследования, сбор и анализ данных, визуализация результатов исследования, написание и оформление рукописи.

Лебедева Н.М. — идеи исследования, анализ данных, корректировка рукописи, аннотирование, контроль за проведением исследования.

Бушина Е.В. — идеи исследования, планирование исследования, сбор и анализ данных, корректировка рукописи, аннотирование.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Victoria N. Galyapina — ideas, planning of the research, data collection and analysis, visualization of research results, writing and design of the manuscript.

Nadezhda M. Lebedeva — ideas, data analysis, manuscript editing, annotation, and control over the research.

Ekaterina V. Bushina — ideas, planning of the research, data collection and analysis, manuscript editing, annotation.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов департамента психологии факультета социальных наук ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (протокол № 5 от 20.02.2023 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethical Review Committee for Empirical Research Projects of the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (report no 5, 2023/02/20).

Поступила в редакцию 06.07.2026

Поступила после рецензирования 24.07.2026

Принята к публикации 14.09.2026

Опубликована 30.09.2026

Received 2026.07.06

Revised 2026.07.24

Accepted 2026.09.14

Published 2026.09.30